

С БЕРЕГОВ ВИСЛЫ ДО БЕРЕГОВ ЛЕНЫ

27 марта 2010 г.

Я решил начать писать об идентичности. Пока я не знаю, как подойти к вопросу о ее дрейфующем характере. Поэтому начну с себя – с собственного опыта. Как Вам

известно, я убежден, что выстраивание отношений с «Другим» требует осознания своего собственного отличия. Это особенно важно в том случае, когда нас отличает принадлежность к разным цивилизациям, и когда нас объединяют узы дружбы. Одним словом, важна уверенность в себе при *встрече* с «Чужим». Мной используется понятие *встреча* согласно понятийному аппарату, выработанному во «Введении в историю цивилизаций Востока и Запада». Эта уверенность в собственной идентичности позволяет нам увидеть «Другого» и уменьшить чувство опасности перед «Чужим».

Из приписываемых идентичности значений вовсе не следует, что она сводится к эгоцентризму, концентрации внимания на себе и подчинении себе окружения. Я – не Гомбрович. Однако я прекрасно понимаю, стоящую перед ним проблему. Именно «Я» позволяет на идентификацию окружения, определение обстоятельств,

сопутствующих отношениям с «Другими». «Я» придает миру человеческий облик, если, конечно, не является проявлением гордыни. Это может вызывать проблемы: мой собственный мир крайне мал, а я в связи с этим достаточно оригинален. Однако нам предстоит создать исследовательскую программу, а эта задача куда проще, чем создание мира.

Я – с Вислы, хотя мой воображаемый мир существует где-то на берегах Припяти в далеком прошлом. При этом я пишу этот текст, мысленно находясь на берегу Лены, хотя мое пребывание там была подобно мгновению ока. Я гляжу на Ленские столбы, на мир совершенно чуждый приезжому с низин Восточной Европы. Здесь на берегах Лены я вырван из привычной для меня среды. И тем большую значимость для меня приобретает моя идентичность, моя способность к существованию.

Я смотрю на мир с палубы «Демьяна Бедного», везущего участников международной конференции «Circumpolar Civilization In the World Museums: Yesterday, Today, Tomorrow».

Стоит жаркое якутское лето 2009 года, более точно – это происходит в четверг 30 июля. Эти обстоятельства важны для хода моих мыслей. В рамках научной конференции тема идентичности уходит на задний план. Все мы – участники

события, обусловленного определенными рамками и правилами. В действительности это означает изоляцию от окружающей нас действительности. Вопрос же об идентичности возникает тогда, когда мы освобождаемся от связывающих нас условностей.

28 марта 2010 г.

Возможность выйти за рамки отношений, установленных конференцией, появляется, когда мы добираемся до национального природного парка Ленские столбы. Программой предполагается экскурсия на достаточно крутую скалу. Дорога проложена, удобная, я, правда, немного запыхался и довольно устал после часового подъема, но важно не это, а мысли, приходящие в голову. Со смотровой площадки с видом на Лену я гляжу на корабль, тянущий баржу вдоль реки. Если бы мне довелось там плыть семьдесятю годами ранее, я бы не наслаждался чудесами природы, а был бы в толпе среди сотен других зеков под палубой баржи, и не знал бы о том, что меня окружает, да и был бы к этому безразличен. Мой статус стер бы культурные различия, а одновременно лишил бы идентичности – я был бы частью системы, изолирующей меня от действительности. Мое самосознание было бы определено борьбой за выживание, в которой мне, впрочем, не было бы дано особого шанса. Меня не покидает навязчивая мысль о бесчисленном числе рабов, которых по этому и другим путям направляли в глубь Сибири. Это происходит, поскольку я как участник конференции не должен был заботиться о своей идентичности – как и у всех у меня на шее висел бэджик с информацией обо мне. И лишь среди скал, глядя на удивительный мир, существующий миллионы лет, ко мне вернулся вопрос о том, кто же я?

Я приехал в Якутию добровольно, был среди доброжелательно настроенных людей и друзей. Нам предстояло обсудить важную проблему идентификации сообществ людей, проживающих в зоне вечной мерзлоты. Мы должны были этим заниматься в рамках, определенных научной конференцией. Мне же казалось, что из-за прошлого, от которого судьба меня уберегла, а также из уважения к людям, которые меня пригласили, я должен выйти за рамки, определенные конференцией. У меня было такое намерение, но оно могло

быть не реализовано из-за естественных проблем с коммуникацией. Наша задача требовала диалога. Мы были готовы к нему и полны доброй воли. Тем не менее, я опасался, что у нас было не больше возможностей, чем у наших несчастных предшественников, плывших по Лене.

Эта проблема, конечно, по-разному решалась участниками. Мне же казалось, что именно здесь и сейчас я должен определиться и сделать это в крайне однозначной форме, тем более, Ульяна Винокурова поставила передо мной задачу – за три дня превратиться в якута. Я это понял, как возможность вникнуть в местный мир, естественно вникнуть поверхностно, сентиментальным образом. Но

все же мне хочется воспринимать это приглашение крайне серьезно как приглашение на встречу, и речь не идет о переходе через разделяющие нас границы. Нарушая установленные рамки, возвращаясь к собственной идентичности, я даже не пытаюсь приблизиться к границе, отделяющей меня от мира людей Республики Саха.

Процесс идентификации и осознания как того, что нам дано, так и того, что ограничивает, – все это происходило во время упомянутой экскурсии. Она была туристической, банальной по-своему характеру. Подобным образом и шаманский обряд, с помощью которого следовало снискать расположение духов этих скал, тоже относился к предлагаемому стандартному туристическому набору. Я не принимал участия в ритуальном обряде круга: мне показалось это неуместным. Шаманизм является важной частью наследия Саха, более широко – традиции народов, населяющих Сибирь, но мне сложно понять, когда речь идет о чем-то важном, а когда просто о фольклоре. Я не отказался от того, чтобы мне поставили пятнышко золой из костра, разведенного во время шаманского обряда. Иначе это было бы проявлением желания отмежеваться. Вопрос, который возникает в этой связи: где проходит граница между областью *sasum* и любезностью?

На берегу Лены я вместе Ульяной выложил небольшой круг из лепешек, который должен был мне обеспечить расположение духов реки Лена. В тот момент я чувствовал, что меня пригласили к участию в домашнем обряде, я отнесся с уважением к обычаю. Тем не менее, я не решился искупаться. Смелые якутские девушки прыгали в ледяную воду. В лучах заходящего солнца это выглядело

естественно, однако я не последовал их примеру. Во мне не только говорил здравый смысл, но также опасение преступления какой-то границы.

С берегов Вислы я добрался до берегов Лены. Вроде бы из этого ничего не следует. Однако именно скалы Ленских столбов навели меня на мысли о том, что полученное приглашение обязывает, прежде всего, к тому, с чего я начал, – к определению собственной идентичности.

29 марта 2010 г.

Размышляя над тем, что я написал, хочу подчеркнуть, что поиск собственной идентичности рассматривается мной как неперенное условие взаимодействия с

окружением – со «Своими», то есть с людьми той же культуры, объединенными вместе со мной в одну общественную систему. Благодаря этому сознанию я могу принимать участие в формировании сообщества. Благодаря ему я могу в этом сообществе занять позицию аутсайдера, могу даже изолироваться благодаря тому, что существую и чувствую себя частью сообщества. Моя идентичность, осознание собственных корней, позволяют мне на отношения с «Другими», с людьми иных культур. Идентичность понимается мной как

возможность передачи информации о себе и моем сообществе, а одновременно способность принять подобную информацию. Это дает возможность диалога, хотя одной способности к установлению диалога между людьми недостаточно. Тем не менее, самоопределения и осознание той информации, которую хочется передать, являются необходимым условием установления отношений: когда мы с помощью слова отдаем себя другим. Эта тема очень важна для меня, однако я ограничусь сказанным. Советую обратиться к работам Ст. Грыгеля, Ю. Тишнера, К. Паниккара, Э. Морена, Ж. Элюля, послужившими для меня инспирацией. Еще раз хочу подчеркнуть, что способность к определению себя в отношении других людей и мира имеет принципиальное значение для нашей проблематики. Поскольку именно там, где проходят границы цивилизаций, уверенностью в своей идентичности обуславливается встречей. Но достаточно ли этого убеждения?

В нашем проекте мы собираемся задать себе сложные вопросы, касающиеся идентичности, а в особенности возможности создания сообществ. Эта задача связана с проблемами, которые мы, как правило, не учитываем в наших дебатах. Мы вращаемся в

общем для нас опытном пространстве, в рамках одного понятного нам нарратива. И хотя мы сознаем появляющиеся в итоге ограничения, альтернативой для нас может быть лишь прекращение осуществляемой коммуникации. Само желание общаться, спорить означает принятие языка, который сформировался в научном мире. Мы являемся узниками мира понятий, но представляется, что именно они дают нам единственный шанс передачи друг другу того, что мы считаем важным.

Внимание, уделяемое собственной идентичности, связано с убеждением, что в предпринимаемом проекте важную роль играют размышления о нашей собственной позиции по отношению к «Своим», «Другим» и «Чужим». Я всегда подчеркиваю значение авторефлексии, при этом особую роль я приписываю ей, когда речь касается проблемы коммуникации. Размышления о занимаемой собственной позиции, поведении и восприятии будут важны для нас, когда мы обратимся к проблеме передачи опыта – именно это станет основной областью наших поисков.

2 апреля 2010 г.

Для меня важно не только понимание процесса создания и сохранения таких связей между людьми, которые формируют национальное сообщество, меня интересуют также возможности и последствия передачи опыта между такими сообществами. Я полагаю, что обмен опытом между сообществами является процессом преодоления границ. Это происходит в условиях контакта, покорения, эксплуатации, встречи. Но всегда ли только в этих случаях? Хотел бы подчеркнуть, что в отношениях наступает передача опыта, возникшего в форме культуры. Важно то, каковы последствия подобного обмена. Одновременно с этим следует задуматься над влиянием обстоятельств, сопутствующих передаче информации, а, кроме того, над тем существуют ли непредвиденные последствия подобного обмена. Особое значение приписывается мной явлению, определяемому как цивилизационный гнет, о котором более широко я пишу в книге *Silent Intelligentsia*. Я хочу сказать, что нами должны рассматриваться не только ситуации, связанные с осознанным стремлением к передаче «Другим» нашего опыта. Это замечание также касается нежеланных и непредвиденных последствий. При этом необходимо отличать ситуации передачи опыта, целью которой является подчинение от других форм обмена. Вследствие действительной с исследовательской точки зрения экспансии внимание сосредоточено на вынужденном обмене, и в этом случае мы рассматриваем в рамках постколониальных категорий реакцию находящихся в зависимости сообществ. В нашем исследовании мы обращаем внимание на особую форму обмена, которая является следствием поиска образцов за пределами пространства доминирования/зависимости. Я пытаюсь доказать, что обращение к опыту, к процессу заимствования образцов вне системы непосредственного доминирования необязательно гарантирует успех. В том смысле, что подобный обмен опытом не исключает проявления колониализма. Именно это видно на польском опыте XIX/XX веков.

Что из этого следует? В первую очередь необходимо, чтобы мы обратили внимание на наши собственные действия, исследовательскую практику, усилия, связанные с процессом познания, и сложность преодоления ограничений. Все это является важной частью данных, которые необходимо проанализировать. После этого нам необходимо честно взглянуть на собственную идентичность, распознать ресурсы собственной культуры. Лишь после этого мы могли бы обратиться к вопросам о возможности передачи опыта и

привлечения на свою сторону, вопросами пригодности и ограничения, а также тем, что считается важным для формирования и сохранения связей в обществе. Эти замечания могут стать предпосылкой к определению условий обмена, происходящего за пределами пространства экспансии и доминирования. Конечно, если таковое пространство действительно существует.

12 апреля 2010 г.

Я собирался продолжить писать в праздничный период, но время этому мало способствовало. Внимание сосредоточено на Воскресении, необходимости лицом к лицу встать перед этим фактом. Это непосредственно связано с моей идентичностью, с наследием моей культуры. В конечном счете, мне сложно говорить о цивилизационной тематике в отрыве от факта, что Христос умер, Христос воскрес и Христос явится. Нельзя делать вид, что этой сферы не существует, забыть о том, что это оказывает непосредственное влияние на мое понимание идентичности. Не следует скрывать и того, что эта личная убежденность влияет также на понимание и способ выражения рассматриваемой нами проблемы. Попытка изолировать эту сферу от научного языка, попытка самовыражения в категориях интеллектуального кода совершенно не облегчает задачи. Этот код также является частью европейской цивилизации и инструментом доминирования. А нас как раз и интересует поиск пространства диалога.

Более тридцати лет тому назад в Варшаве прозвучали слова, по силе своей подобные грому. В знаменитой проповеди на Плацу Звычненства /площади Победы/ 2 июня 1979 года папа Иоанн Павел II сказал: «Без Христа нельзя понять этого народа, прошлое которого было бы столь прекрасным, а одновременно столь ужасающе трудным». Я привел эту цитату во введении к *Historia Polski /История Польши/*, изданной в Париже в 1986 году, без цензуры (с. 12). Я помню, сколько это издание вызвало споров! Когда в 2003 г. я готовил русское издание этой книги, то пришел к выводу, что нужно написать новое введение. Я не видел необходимости столь эмоциональных заявлений. Но думаю, что выраженные тогда взгляды сохраняют свою актуальность и по сей день. Именно в связи с поставленной перед собой сейчас задачей необходимо хотя бы попытаться осознать влияние этой сферы на формирование условий диалога. Упомянутый текст, который был подписан *от авторов*, но принадлежит моему перу, находится на странице ІVІ, пока только в оригинальной версии.

13 апреля

Эти сомнения были, конечно, вызваны эмоциями, связанными с катастрофой под Смоленском.

Представляется необходимым обратить внимание также на то, как эмоции влияют на мои размышления в связи с нашим заданием. Необходимо задаться вопросом, в какой степени польский патриотизм влияет на наследие, в особенности на способность к его передаче. Следует ли рассматривать эмоции в качестве ограничения, или увидеть в них

полезный стимул процесса передачи опыта? Как я могу писать о польской идентичности в контексте смерти президента Леха Качиньского?

Представляется, что крайне важно обратить внимание на влияние эмоций на социальные связи, на способность к передаче опыта. Ранее мной подчеркивалось ослабление национальных связей, а как следствие – трудности при определении собственной цивилизационной принадлежности поляков (подтверждением тому тексты в сборнике *Ekspansja, kolonializm, cywilizacja* /Экспансия, колониализм, цивилизация/, 2008). Сегодня я склонен внести одно дополнение. Речь идет об эмоциональном заряде, который может оказаться созидательной силой в выстраивании связей между народом и государством. Это важно при рассмотрении колониальных аспектов нашего наследия, то есть в том числе и способности к «предложению» собственного опыта в ситуации диалога.

19 апреля

Размышляя над обстоятельствами формирования и выражения моей идентичности, я хочу обратить внимание не только на угрозы, которым, на мой взгляд, сейчас подвергнуты национальные связи. Я, несомненно, убежден в том, что дальнейшее изучение процесса формирования народа может быть полезно для размышлений над его существованием. Я продолжаю отстаивать тезис о существовании связи между процессом принятия национального самосознания и способностью выбирать европейскую принадлежность. Однако важно задуматься и над условиями формирования новых трансформаций. Наша социально-культурная система (в том числе народ как элемент ее структуры) уже давно неспособна к автономному созданию принципов осуществления окончательных преобразований. Это склоняет к размышлению над колониальным аспектом процесса. Теперь к политическим и экономическим факторам следует добавить и фактор эмоциональный. Его влияние было и в уже упомянутый день 2 июня, когда призывался снизойти Святой дух. Нельзя пренебрегать влиянием эмоций на попытки автономного трансформирования в период первой «Солидарности». Тем не менее, я вижу определенные проявления блокирования и ограничения. Сегодня, к счастью мы не ограничены, сами можем принимать решения и делать выбор, и можем взять на себя ответственность за это. Поэтому я не исключаю влияния эмоций на формирование новых трансформационных процессов в Польше. Это в свою очередь склоняет к дальнейшему расширению списка вопросов, которые необходимо задать до того, как мы предпримем попытку изучения перспектив диалога между людьми разных цивилизаций.

26 апреля 2010 г.

Я пишу эти слова после похорон Януша Крупского, одной из жертв катастрофы 10 апреля. Это был честный и смелый человек, настоящий патриот, с юности принимавший участие в инициативах, направленных на укрепление идентичности поляков. В семидесятые годы он стал одним из создателей издательства «Spotkania» (Встречи), в котором в 1986 г. нами была издана *История Польши*. Вспоминаю то, что я чувствовал во время военного положения, второй пастырской поездки Иоанна Павла II в Польшу, смерти о. Ежи Попелушко. Совместные переживания того времени показали, что мы способны идентифицироваться с национальным сообществом. В тоже время, помню, что та

спонтанная и торжественная демонстрация патриотизма вызвала у меня вопросы: стремимся ли мы подтвердить подобным образом прочность национальных связей? Дает ли нам способность к сочувствию, а также проявление коллективной идентичности гарантию нашего, поляков, существования? Именно существующие связи дают сообществу силу к осуществлению в реальном пространстве коллективных проектов будущего.

Именно обеспокоенность за состояние национальных связей привела нас к решению об издании независимой *Истории Польши*. Она была написана нами в 1984-1985 годах, когда мне из-за ряда событий казалось, что эти связи ослабевают. Именно поэтому я посчитал нужным дать здесь первоначальное «Введение» к этой книге. В последующие годы свое беспокойство я выразил в нескольких выступлениях и публикациях, сложно доступных, но зато не цензурируемых (например, *Zagrożenia polskości* (Угрозы для польского характера) в рамках лектория по истории культуры при приходе св. Троицы в районе Варшавы Солец в 1986 г.). Обеспокоенность сложившейся ситуацией стала причиной моего участия в различных начинаниях. Я вспоминаю об этом, поскольку тогда я считал, что эмоции, проявляемые во время патриотических демонстраций (в которых я не только участвовал, но и которые организовывал) нетождественны проявлению крепости национальных связей.

В связи с воспоминаниями о Януше Крупском, мне хочется особо отметить значение связи, существующей между эмоциональными переживаниями и действиями, что подчеркивает значение формирования связей, являющихся основой сообщества. Таким образом, следует принимать во внимание также коллективный опыт перенесения эмоций, выражающих идентичность, на структурные отношения внутри социальной системы. Идентификация этого опыта имеет принципиальное значение для рассматриваемой проблемы обмена опытом.

1 мая 2010 г.

Идентификация не настолько очевидна, как может казаться. Это становится ясно именно в моменты подъема эмоциональной волны. Речь не идет лишь об упоминавшихся сомнениях, или о коллективном переживании, указывающих на состояние национальных связей. Понятно, что без чувств (без душ, без сердца, как сказал бы поэт) сложно себе представить национальное сообщество. Несмотря на мнение многих знатоков темы в основе нации не лежит договор. Без чувств невозможно создать связи, а тем более сохранить их в тяжелые времена. Думаю, что именно это имел в виду Норвид, когда с возмущением заявлял, что мы не являемся обществом, а представляем из себя огромный национальный стяг. В любом случае при проявлении эмоций крайне важно руководствоваться рассудком. Не следует, например, проводить исследования в атмосфере перевозбуждения, а тем более под давлением патриотического соперничества. Это важно подчеркнуть в связи с вопросом об обстоятельствах, которые сопутствуют взаимообмену опытом между обществами.

Мною многократно обращалось внимание на то, что в проблемах, связанных с идентификацией (т.е. в тех случаях, когда речь идет о наличии социальной системы, в особенности ее существование) принципиальную роль играет автономное создание и внедрение **новых трансформаций**. Проще говоря, речь идет о способности социальной

системы (сообщества людей) к самостоятельному преобразованию информации из окружения (приходящей или получаемой) в перечень принципов, имеющих решающее значение для внедрения изменений. Имеются в виду изменения, связанные с регулированием и адаптацией. Необходимо объяснить, несмотря на трудности, являющиеся следствием используемого языка, что самостоятельное создание перечня принципов, от которых зависит ход перемен, является ключом к восприятию данной системы в качестве автономной т.е. к восприятию сообщества в качестве суверенного. При формировании идентичности, а также в случае ее защиты общества используют собственные принципы, т.е. неизменные поведенческие клише. Их я называю **трансформациями**. В случае, когда сообщества хотят или вынуждены обращаться к чужим клише, важно могут ли они действовать самостоятельно. Что значит самостоятельно? Речь идет о хорошо известной способности ассимиляции чужого опыта согласно принципам, характерным для данного общества, согласно принятым в нем ценностям. Для общества не представляет проблемы поиск новых решений для того, чтобы справиться с новыми вызовами. Не является удивительным обращение к чужим образцам или опыту. Принципиальным для судьбы сообщества может оказаться создание **новой трансформации** согласно привнесенным принципам. При этом важно, были ли эти принципы навязаны силой, или лишь безвольно заимствованы. В любом случае из перечисленных подобное заимствование приводит к зависимости. Об этом следует помнить при изучении обстоятельств обмена опытом.

6 мая 2010 г.

Передача любого объема опыта между обществами связана с серьезными структурными нарушениями. Ничто не происходит без последствий. Осмысление этого возможно, если обратим внимание на характер пространства, в котором происходит встреча двух систем, если задумаемся над тем, какие границы предстоит преодолеть людям, объединенным в сообщество. Я также хотел бы подчеркнуть то, что можно назвать содержанием предлагаемого или передаваемого опыта. В связи с этим, говоря об идентичности, не должны ли мы обратить внимание на национализм?

Национализм – это не лучшее, что мы могли бы предложить при встрече. Однако на него следует обратить внимание. Поэтому мы должны сопоставить вопрос собственной польской идентичности с идеологическим обликом польского национального сообщества.

Обществу, не имеющему идентичности, сложно участвовать в каких-либо отношениях. Это звучит странно, принимая во внимание, что отсутствие идентичности означает отсутствие существования. Мы знаем о риске, связанном с навязыванием Другим собственной идентичности. Нам известно также состояние идентичности, описываемое нами как дрейфующее. Мы должны исходить из двух предпосылок. Во-первых, что исследуемые нами общества действительно существуют, и мы можем их идентифицировать. Во-вторых, что эти общества не относятся к одному и тому же цивилизационному кругу. В дополнении ко всему мы должны в своих исследованиях обратить внимание на значение состояния отношений между этими обществами и их окружением.

Говоря о собственной идентификации, я хочу подчеркнуть, что Польша существует исключительно как результат воли людей, идентифицирующих себя в качестве поляков. Польская национальная идентичность не является следствием национализма и ведет свое начало с момента существования государства. Воля к существованию в качестве национального сообщества нашла подтверждение во времена, когда польское государство не существовало (в XIX веке) и в условиях угрозы для его существования и суверенитета (в XX веке). Опыт, связанный с польской идентичностью, принадлежит как к нашим (т.е. польским), так и не к нашим (непольским) ресурсам, важным для формирования связей, принципов трансформации и образцов выстраивания отношений с Другими. Исходя из этого, польская идентичность важна не только для поляков (как результат их существования), но также и для многих Других (например, в качестве элемента собственной национальной идентичности). Именно поэтому польская национальная идентичность является частью цивилизационных ресурсов Европы. Это особенно важно в процессе формирования Европы в качестве цивилизационного пространства на восточной части континента. Именно здесь полякам пришлось проверить собственную сплоченность в конфронтации с разного рода Другими и Чужими. Именно этот опыт стал сутью определения цивилизационной принадлежности поляков. Собственную польскую идентичность приравнивали к европейской. В связи с высказанными ранее мыслями о сути трансформации важно подчеркнуть, что именно в этом выражалась самостоятельность этого процесса.

Эта тема, а именно формы национальной идентичности в отношениях с Другими, а также цивилизационный выбор в качестве формы создания Европы, имеет принципиальную значимость для нашего стремления к определению перспективы межкультурной встречи.

Именно сегодня следует обратиться к сути нашего выбора. Это касается, в первую очередь, вопроса о том, что значит для меня мой собственный выбор Польши? Оставляю в стороне проблему поклонения отчизне. Подобное поклонение было понятным во времена, когда угасали последние надежды на восстановление независимости. В сложные периоды, которых было немало на протяжении XX века, попытку оценки кого-либо, включая меня самого, с точки зрения пригодности для Польши, считаю рискованной. Подобные действия крайне близки к проявлению национализма – обоготворению народа. Сегодня же большее внимание следует уделять моему выбору. Направлены ли мои действия на то, чтобы найти Польшу открытую, включающую в себя многие этносы, религии, культуры? Или я ограничиваю свою деятельность до Польши закрытой, развивающейся в рамках одного этноса, одной религии и одной культуры? Первая Польша – это мой выбор наследия Речи Посполитой, которая в свое время представляла Европу от Балтийского моря до Черного. Вторая Польша – это мое примирение с реальностью ПНР, отрезанной от Европы нашего времени. Можно сказать, что это великодержавные капризы династии Ягеллонов против рациональной политики Романа Дмовского? Но это не так. XX век был временем, когда польский народ приобрел современную, монохромную форму нации. Именно это привело поляков к коммунистической идеологии. Правящая партия снискала себе признание Польши, используя национальную маскировку. Сделать выбор не было так сложно 25 лет тому назад, как теперь. Польша продолжает оставаться суверенным государством на все той же территории, которая была октроирована в результате решений, принятых на Тегеранской и Ялтинской конференциях. Но теперь она стала страной, в которой решение о ее будущем принимает суверенный народ. А потому становится крайне важно то, что он выберет из своего наследия, что выберу я.

7 мая 2010 г.

Я стараюсь делать важные для решения стоящей перед нами задачи записи. Понимаю, насколько эта задача сложна. Желая выразить мысли более точно, я стараюсь уйти от конкретных явлений и представлять мысли в более абстрактной форме. Между тем, следует отметить, что польский опыт в формировании национальной идентичности, тяжелая судьба, постигшая Польшу в последние два столетия, вошли в общую историю человечества. Как можно ее представить? Каким образом найти в общем потоке событий определенную логику ее изложения? Я не могу сослаться на историю Польши периода разделов, эпохи восстановления государства, на времена катастрофы, и наконец обратиться к современному периоду. Опыт, который нас интересует, выходит за рамки истории. Важное значение имеет то, каким образом воспринимается и используется наследие прошлого. История в данном случае – это также прошедшее время, отмеряемое моей памятью. Можно поэтому сказать, что охватывает время до момента достижения мной совершеннолетия, т.е. до 1956 года. Следующие полвека – это живая память, а не история. Тем временем, именно в этот период происходили процессы, имеющие решающее значение, а именно конфронтация с тоталитарной системой, угроза для существующих связей, важные перемены, связанные с возвращением суверенитета и ответственности за государство. Это важные составляющие опыта, которые следует описать.

Современность, охватывающая последние двадцать-пятьдесят лет, является предметом исследования многих областей науки. Написано множество работ на эту тему, я познакомился лишь с малой их частью. При этом на принципиальные вопросы все еще нет ответа. Именно это дает мне смелость попробовать найти ответы на них на основании собственного опыта. Что я ищу в истории, что пытаюсь обнаружить в своей памяти? Речь идет о явлениях и процессах, имеющих решающее значение для существования. В таком случае, как можно описать структуру польского национального общества? Что составляло и что продолжает составлять основы опыта, имеющего решающее значение для регулирующих и адаптационных составляющих ее существования? Каким образом можно представить отношения между существующим в Польше представлением о социальном поведении и анализом этого явления в рамках системных категорий? Все это, несомненно, требует определения собственного отношения к действительности, которой является народ, и к представлению о его сути. Можно сказать, что необходим образ польской доли. Ее представление позволило бы создать определенную форму интерпретации, дающую возможность безопасным образом передать наш национальный опыт. Я пишу это, поскольку только таким образом могу облечь свои мысли в слова.

8 мая 2010 г.

Я хочу еще раз вернуться к вопросу о давлении, связанном с увеличивающейся эмоциональной волной. Складывается впечатление, что этот процесс является следствием поляризации отношения к нации. Неожиданно возникает перед нами образ Польши, разделенной на патриотов, придерживающихся прямо противоположных точек зрения. Можно говорить уже даже не только о начале эмоционального соперничества, но и о конфронтации позиций. Через мгновение услышим о существовании двух Польш.

Крайние позиции, карикатурные по своей сути, подобны моральному шантажу. Традиционный патриот (*Святая любовь дорогой Отчизны ...*), которым я себя считаю, беспомощен перед волной взаимоисключающих предложений и увеличивающихся обвинений. А ведь такой патриот не может оставаться равнодушным к происходящему. Существует, на мой взгляд, возможность занять две позиции. При этом следует помнить, что крайние, или противоположные позиции в отношении польской идентичности не являются чем-то новым. Можно даже сказать, что они связаны с общим проявлением эмоций, сопутствующих проявлению национальной идентичности. Ведь именно это склоняет многих к отказу от концепции идентичности в качестве исключительной позиции. Существует и иная точка зрения, позволяющая разумно отнестись к проявлению радикализма. Четверть века тому назад, когда я писал о существующих угрозах для польской идентичности, я указывал на отсутствие спора. Польская идентичность на протяжении веков вызвала дискуссии и споры. Спор о том, какой быть Польше, имел принципиальное значение. Соперничество в вопросе о том, какой быть Польше, т.е. о том, как будет укладываться жизнь в сообществе, это только один из аспектов существования в качестве сообщества. И хотя этот аспект естественен по своему характеру, как каждый конфликт он несет в себе определенную угрозу. Иным является отсутствие возможности ладить с Польшей. Особенно ярко это всегда проявлялось среди людей творческих, которые со времен неволи, заявляли о своей готовности стать духовными лидерами народа. Я пришел к выводу, что исчезновение этого спора, отсутствие страстного чувства к Польше, указывают на ослабление идентичности. Равнодушие к вопросу о польской идентичности, как представлялось, указывало на разложение национальных связей. В таком случае следует ли позитивно рассматривать существующий в настоящее время эмоциональный подъем? Спор, который ведется с Польшей, является свидетельством нашей силы. Соперничество в борьбе за Польшу – это часть нашей доли. А потому важно, чтобы мы, конфликтуя, не потеряли Польшу.

11 мая 2010

Давление обстоятельств очень ясно. И я хотел бы от этого избавиться. Но это довольно трудно, так как эмоции привлекают внимание к расхождению в понимании польскости. Как результат появляются противоречия относительно ресурса идентичности. Короче говоря, мы понимаем польскость, через свободно сконструированный набор особенностей и свойств. Как бы то ни было, проблема лежит в следующем вопросе: какие переменные мы можем считать нужными и достаточными для идентификации Польши как нации?